

K-1531689

✓ ec

Звезда

Почоужья

Звезда Полюжья

Никольск
2007

Достопочтенный читатель!

Предлагаем Вашему вниманию шестой выпуск альманаха «Звезда Поюжья». В нем представлено творчество членов литературных объединений Никольска, Кичменгского Городка, Великого Устюга Вологодской области и Подосиновца Кировской области. Среди авторов есть и те, кто уже заслужил признание читателей, и – те, кто делает «первые шаги» на литературном поприще. Произведения в сборнике – разножанровые, но преобладает стихотворная лирика: философская, гражданская, пейзажная, любовная. У каждого автора свой стиль – лексика, ритм, стихотворный метр, свои приемы построения стиха. Но всех их объединяет любовь к родной земле, к своим землякам, к родным и близким людям, желание своим творчеством пробудить добрые чувства в душах читателей.

Полезного и приятного Вам чтения!

Компьютерная вёрстка Н.Ю. Селивёрстовой.

Звезда Поюжья. Сборник стихов и прозы.
Выпуск 6. – Никольск: 2007. – 88 с.

Литературное объединение «Откровение»

г. Никольск Вологодской обл.

Ольга ЗОТИКОВА

Первая ласточка,
Доченька-лапочка,
Вся моя жизнь в тебе.

Ясная звездочка,
Пусть твоя лодочка
Плывет по тихой воде.

Красное солнышко,
Грей мое зернышко,
Храни его от дождей.

Ветер-дружочек,
Пусть мой росточек
Будет меня сильней.

Комочек бесценный,
Как дар сокровенный,
Крепко в руках держу.

Доченька-крошка,
Дай мне ладошку,
Счастье в нее положу.

У меня есть час, когда все спят.
Только мой, ни с кем еще не прожитый.
Час на покаянье, шаг назад,
Мне судьбой по милости предложенный.

Этот час превыше всех царей,
Во хмелю шутом на трон помазанных.

Час моих захлопнутых дверей
И молитв за ближних, вслух несказанных.

Этот час дороже всех монет,
Изредка в моей котомке спрятанных.
Этот час для прихотей – запрет,
Он на порку наспех дыр залатанных.

Час на осознание оплеух,
Мной и мне со злости за день розданных...
Час, когда я превращаюсь в слух,
Прикоснувшись к следу неба подданных.

У меня есть ночью час на свет.
Когда все спят.
Мной взят.

Нет стены каменной,
Чем спина мамина.
Под любым знаменем
Я - вне

Всех сражений пушечных
За трофей игрушечный,
За бумажных идолов
Извне.

Оберегом в каждом дне
Мне молитва мамина
И свеча из ладана
На окне.

Нет любви пламенной,
Чем любовь мамина
Вне времени. Тьмы вне.
Все - мне.

На берегу русалочьих прудов,
Где я своя среди плывущих рыбок,
Вдали от желтых окон городов
И фонарей сияющих улыбок.

Моя звезда, тоскуя обо мне,
Ласкает светом лепестки кувшинок,
И в спящей предрассветной тишине
Чуть слышен шелест высохших травинок.

И рада я бежать, не чуя ног,
Туда по неисхоженной дорожке,
Где на губах русалок клюквы сок
И от ладоней аромат морошки.

Но, существуя по законам Быт и Я,
Осознаю, что снова сердце рвется
К тем берегам, где родина моя,
К трем домикам у старого колодца.

Александр ЛЕШУКОВ

Что грустишь, боевой старшина?

Что грустишь, боевой старшина,
И слезу вытираешь украдкой?
У тебя в голове седина
И осколок под левой лопаткой.

Непристойно тебе, старина,
Пасовать перед сволочью всякой.
Разверни свою грудь в орденах,
Как тогда, перед первой атакой.

Сколько раз ты врага штурмовал
Под Москвой и у стен Сталинграда,
Умирал и опять воскресал
В преисподней кромешного ада.

В зной, в мороз и в осеннюю слизь
От Москвы до Берлина протопал.
Над тобою снаряды рвались,
Под тобою дымилась Европа.

Не тебе ли бросали цветы
И Варшава, и Вена, и Прага,
Где победно прошествовал ты
Под покровом Советского стяга.

Так не вешай же нос, старина,
И не смахивай слезы украдкой.
У тебя на груди ордена
И осколок под левой лопаткой.

День Победы

Давно не грохочут раскаты
Огнем боевых батарей.
На фронт не уходят солдаты
От жен, от невест, матерей...

Война по середине Европы
Давно, полыхая, прошла.
Землянки, траншеи, окопы
Цветами весна замела.

Но память осталась людская,
Была она будет и есть.
И горькая правда живая –
Ее никому не заместь.

Ничто не забыто поныне –
Ни муки, ни слезы, ни чад
Печей крематорских Хатыни
И ни Бухенвальдский набат.

Победа! Победа! Победа!
Ты слишком нелегкой была.
Победа! Победа! Победа!
По трупам кровавым пришла.

Но вновь на груди у планеты
И в люках стальных кораблей
Коварно застыли ракеты
Крылатых и прочих мастей.

Победа! Победа! Победа!
Салют на полнеба горит.
Победа! Победа! Победа!
Пусть Мир на Земле Победит!

Василий МИШЕНЕВ

Сосны

брату Николаю

Старые сосны устало скрипели,
Ветер и вьюгу терпели, терпели.

Были они величаво печальны,
Будто для жертвы росли изначально.

Пели им песни весенние птицы,
Гордый глухарь, озорные синицы.

Красное солнце над миром вставало,
Первым лучом на верхушках играло.

Резал их вздымщик, надев рукавицы,
Сок добывал – золотую живицу.

Зимней порою сосну-верхолётку
Люди срубили и сделали лодку.

Рядом другую, что возле низины,
Мастер седой присмотрел на корзины.

Сосны смотрели на пни сиротливо,
Хвоей шумели, но шум был тоскливый.

Слышались в шуме прощальные вздохи,
Жалко мне сердцем тех сосен высоких.

Я иногда здесь бываю у сосен,
Чтоб ощутить нашу общую осень...

До знакомых берез,
До родимого поля,
До заветной избы,
До цветов на лугу
Уведут меня сны
Без тревоги и боли,
Если сам я уйти,
Заболев, не смогу.

Я увижу во снах
Под окошком рябины,
На вечернем крыльце
Маму в белом платке,
Свист услышу скворца
И полет голубиный,
И услышу – пчела
Загудит на цветке.

Вдруг припомнится мне,
Как тоскуют березы,
И что мама моя
Не дождется весны,
Сердце вздрогнет в груди,
А вскипевшие слезы
Оборвут мои сны,
Безмятежные сны.

Я открою глаза,
Но в предутренней рани
Не услышу шагов,
Не увижу звезды,
И сильнее, чем днем,
Заболят мои раны,
Да огнем загорит
След от каждой слезы...

Я жизнь свою собираю...

Я жизнь свою
Собираю листочками,
Пожелтевшими,
Из календаря,
Те листочки
Помечены строчками
Стихов,
Написанных,
Может,
Не зря.

Собираю
Из дедов,
Отца и матери,
Братьев,
Единственной,
Умершей сестры,
Делаю всё
Внимательно
И старательно,
Чтоб не оказалось
В жизни дыры.

Собираю
Из тех,
Что меня любили,
Вижу ночью
Их и сейчас во сне,
Из тех, что когда-то
Рядом со мною были,
И, конечно, из той,
Что пришла ко мне.

Собираю
Из берёз,
Родников,
Свечки,
Что теплится в сердце
В память друзей,
Из надежд,
Из дома родного,
Из печки,
Из кота,
Который сидит на ней.

Господи!
Как много всего пережито!
Сколько людей
Встретилось на пути!
Собираю жизнь,
Как разбитое корыто,
Соберу ли,
Чтоб дальше идти?

Ростислав ПАНОВ

Прощайте, любимые птицы,
До новой весны, до цветов!
А небо, как отблеск водицы,
А звезды, как цепь маяков.
И вот вы летите, летите
По гаснущим звездам на юг,
Где солнце в серебряных нитях,
Где нет ни морозов, ни вьюг.
Прощайте, любимые птицы!
Как жаль, не умею летать!
Закроюсь в старинной светлице
И стану я вас ожидать.
Как медленно время зимою,
Застыли часы на стене.
Мне Африка снится порою
И птицы мои при луне.
Ах, птицы мои, пилигримы!
Не высказать сердцу тоски.
В России вы только любимы,
Как любви в полях васильки.

Прокалило холодом небесным.
Снег скрипит и брызжет самоцвет.
На земле нисколечко не тесно,
Где встает березовый рассвет.
Над домами стылými, над Русью
Даже днем не прячется луна,
Свет ее к таинственному устью,
Как речная катится волна.

Тишина. Безлюдье. Как в пустыне.
Лишь мороз постукивает в дом.
Но мила как прежде и поныне
Эта даль за сереньким холмом.

Гнутся ели за избою,
Бьется ветер у окна.
Потаенною тропюю
Скрылась в рощу тишина.
Средь черемухи цветущей,
Средь рябинок молодых
Растворилась, затаилась
От раскатов громовых.
Я не скроюсь. Я останусь
Слушать пение дождя.
Я отдам ему усталость,
Растворюсь, в него войдя.

Утихомирилась погода.
Не выплет более снежок,
И вытаял на небосводе
Луны серебряный рожок.
И за околицей в сугробах
Установилась тишина.
И ты, и я, мы вместе оба,
Сейчас испьем ее до дна.

Сергей ПОДОЛЬСКИЙ

30 января 1997 года

Снег да снег – куда ни посмотри,
Снег кругом, дорогу замело,
И не видно, что там впереди,
И на сердце очень тяжело.

Зимний вечер долог и суров,
Вьюга за окном мешает спать.
На бумаге завитки стихов
Не могу никак нарисовать.

Не включаю телевизор я,
И газеты перестал читать.
Бедная ты, Родина моя,
Сколько будешь ты ещё страдать?

Сколько будешь маяться в ночи
Без огня, без света и тепла,
Делать эти странные шаги
Неизвестно только вот куда?

Что, куда, зачем и почему?
Ничего я не могу понять.
Чем помочь? Что сделать я могу?
Где ответы на вопросы взять?

Зоя ПЬЯННИКОВА

В метель

В снежном мареве крыши белые
И поземка на пути,
Заметает след вьюга снежная,
Не проехать и не пройти.

Я иду к тебе, не собьюсь с пути,
Я иду к тебе – толь жди.
Я приду к тебе, моя милая,
Только двери мне отвори.

Что у нас с тобой, знаем ты да я,
Знаем ты да я, да родня.
Ты не злись, пурга – вьюга снежная,
Помоги дойти до плетня.

В снежном мареве крыши белые
И поземка на пути,
Заметает след вьюга снежная,
Не проехать и не пройти.

Белые ночи

Белые ночи, белые ночи...
На севере зорька к востоку плывет,
А с танцев до дому, а с танцев с гармошкой,
А с танцев с гармошкой Сережка идет.

Он дружит с гармошкой, ладит с баяном
И музыку знает он всю наперед.
У дома с березой в знакомом квартале
Гармошку свою под окном развернет.

Не спится девчонке, не спится девчонке,
Не спится девчонке, и сон не берет –
Гармошка играет, душа замирает,
Душа замирает и сердце поет.

Белые ночи, белые ночи...
На севере зорька к востоку плывет.
Гармошка, гармошка в руках у Сережки
Влюбленной девчонке заснуть не дает.

Черемуха

Черемуха, черемуха,
Черемуха в цвету.
Манит к себе черемуха,
Манит – и я иду.

Ловлю я ветви нежные,
Вдыхаю аромат,
Как будто хлопья снежные
В глаза мои летят.

Возьму я ветку дивную
На память о весне.
Приятно в стужу зимнюю
Мне вспомнить о тебе.

Виктор ЦВЕТКОВ

На Ветлуге-реке

Над Ветлугой-рекой
Тают в дымке закаты,
За излукой крутой –
Бастряки перекаты.

В тихом омуте плеса
Дремлют щука и сом,
Дремлют мудрые сосны
На обрыве крутом.

Вековые дубравы
Отражаются в плесе,
В пойме песню поют
Косари на покосе.

Я стою на пригорке –
Широка,
Глубока,
Катит к матушке-Волге
Воды дочка-река.

Хорошо на Ветлуге,
Но на Юге милей,
В водах тешится стерлядь
И полно окуней.

Голавли и сорога,
И «царь-рыба» - ерши,
Костоваты немного,
Но в ухе хороши.

Не шумят здесь дубравы,
Но в сосновом бору
Леший ведьму таскает
На окатом горбу.

Что ни омут – то сказка,
Что ни причта – то быль.
Вот за это Юг-реку
Я и пел, и любил.

Колесница жизни

внучке Настеньке

Мчится жизни колесница,
В ней седок – не млад, не стар...
Был вчера я в роли принца,
Нынче – дедушкой стал.

Не жалею и не плачу,
Благодарствую судьбе,
В дни заката как награду,
Подарившей внучку мне.

И певунья, и плясунья,
С божьей искоркой в глазах,
Словно бабочка, порхает
С куклой Барби на руках.

Утомленный день растает,
Сон коснется детских глаз,
И шалунья засыпает,
Деда слушая рассказ.

В лунном свете звезд мерцанье
Отражается в окне.
Внучка спит, и пусть ей снится

В золоченой колеснице
Принц на розовом коне.

В сказку-сон она поверит,
Принц придет, наступит срок,
И на ножку ей примерит
Он хрустальный башмачок.

Прости меня...

Ну, что с того, что жизнь укоротив,
Я, как изгой, лечил чужие души,
Просил прощенья у Седых Могил
За тяжкий грех, что слушал, но не слышал.

Ну, что с того, что в предрассветный час
Я обращал свои молитвы к Богу,
Искал в душе незримую дорогу
К той истине, что возвышает нас.

И не нашел... Сплошные тупики,
Да ветра стон в душе заледенелой...
Мою тоску рыдальцы-кулики
Отплакали за рощей опустелой.

Я мертв уже, хотя еще дышу,
И в роще с отзвеневшею листвою
Стою один с поникшей головою
И гимн прощальный Родине пою.

Прости за все, Родимая Земля,
За то, что не сберег твои святыни,
И оттого, от присно и поныне, –
Жить обречен, прощение моля.

Прости меня...

Русская баня

В. Н. Корепину

Славно банька протоплена,
Пышет каменка жаром,
От кадушки запарочной –
Дух пихтовым дурманом.

Пар березово-липовый
Сдобрен хлебным кваском,
Жародышащим облаком
Над тесовым полком.

Вася – банщик отмеченный,
(В бане с Васей не спорь),
Из телес моих веничком
Выколачивал хворь.

Спину вдоль и поперек
Вспашет веничек-плуг:
Прочь хвороба из косточек,
Прочь из тела недуг.

Деда (вправду, аль в шуточку?),
Только знаешь ли ты,
После баньки за чарочку
Отдавали порты.

Ну, а мы не бесштаные,
Веря в добрую грусть,
Славя радости банные,
Пьем за банную Русь.

После баньки да чарочки,
Тело словно гранит...
Банька! Русская баня
Русь от хвори хранит.

Оксана ШПИЛЬКО

Невесть откуда, мир застав врасплох,
Вдруг грянула гроза, так грозно и так страшно.
Разрывы грома, молнии всполох...
Что? Где сейчас? Зачем? Да разве это важно!

Пощады нет и нет нигде спасенья.
От буйства неба вряд ли кто сокрыт,
А я люблю такие вот мгновенья...
Вот вновь огнём небесный свод расшит.

Опять сверкнуло, землю осветив,
Чтоб лучше рассмотреть, куда ударить.
И смолкло всё, дыханье затаив...
Кого убьёт... кому-то жизнь подарит...

А некий мнит, что он с природой вровень
И покорить её, да, пара пустяков!
Так кажется: путь самый сложный пройден,
Но обрываешься, летишь и был таков...

Литературное объединение «Истоки»

*с. Кичменгский Городок
Вологодской обл.*

Александр БУБНОВ

жене Тане

Помнишь, встретились мы с тобою,
Августовский закат пылал.
Встреча стала для нас судьбою,
Может быть, нас Господь венчал.

Пронеслось с той поры немало
Нашей жизни счастливых лет.
Ты моею навеки стала,
Я – твоим, и вопросов нет.

Сын с дочуркою подрастают –
Нашей жизни счастливый свет.
Пусть живут, творят и дерзают
Много, много счастливых лет.

Рука об руку мы шагаем
По дороге жизни с тобой,
Любим, ссоримся и прощаем,
Под счастливой живём звездой

Вместе нам не страшны ненастья –
Эта истина не нова.
Наша звёздочка не погаснет,
Пока будет любовь жива.

Птица белая рвется в небо,
Птица чёрная тянет вниз
И над белою птицей смеётся:
Не ломай крыло, не трудись.

Не таких, как мы, жизнь ломала,
Может, хватит уже бунтовать.
Ничего, что солнца здесь мало,
Вместе будем падаль клевать

Птица белая вдруг забилась
И сложила крыло к крылу...
Камни острые кровь окропила –
Смерть неволи достойней орлу.

У людей так тоже бывает –
Если в угол жизнь загнала,
Кто-то честь на деньги меняет,
Кто-то делает выбор орла.

Светлана ВЕРШИНИНА

Зимняя дорога

Завтра ехать на рассвете,
Дома рано спать легли.
Поутру, еще до свету,
В сани Майку запрягли.

Двадцать первый век на свете,
А у нас, в лесной глуши,
По суметам свищет ветер –
Сани, ой, как хороши!

Ноги в валенки обую,
Рукавицы прихвачу,
Сына нежно поцелую,
Дом весь взглядом охвачу.

Тут, у бабушкиной печки,
Спи, сынок, тепло в избе;
Кукурузные колечки
Оставляю я тебе.

Как по мне ты загрустишь,
Их возьмешь и похрустишь.
Все. В дорогу собралась.
Майка зябнет, заждалась.

– Ну, сестра, запряг «савраску», –
Скажет брат, прищулив глаз, –
Повезу тебя я в сказку.
Время ехать, в самый раз!

Мама следом провожает,
Нежно шалью укрывает:

– Что сидишь без рукавиц?
Только от дому отъедешь,
Иней упадет с ресниц.

Ты смотри, Морозко близко,
Мигом ущипнет за нос!
– У тебя ж я декабристка,
И не страшен мне мороз!

– Ох, уж мне твоя упряжка!
С детства ты такой была.
Рукавицы надевай-ка!
И напишешь, как дела!

...Темень, да стеной деревья,
Звезд мерцанье в вышине.
Ну, пока, моя деревня,
Оставайся в тишине!

Когда свидимся? Не знаю.
Как по маме загрущу,
Как по сыну заскучаю,
Непременно навещу!

Свет небесный тускло льется,
Месяц смотрит буквой «эс».
Санний след петляет, вьется
И уводит дальше в лес.

Едем. Тихо. Между елей,
Между сосен и берез.
Дед Мороз не встал с постели?
Неужели сам замерз?!

Едем молча. Что без толку
Воздух звуком сотрясать?

Может там, под старой елкой,
В серебре его кровать?!

Чудеса кругом такие!
Как щедра природа-мать!
Лес и речка мне родные –
Чувства все не передать.

Побелила лес и поле
Раскудесница-зима,
И в санях на вольной воле,
Как и я, катит сама.

...Подо, льдом бежит река.
Брат: «Приехали! Пока!
Как захочется домой,
Я приеду за тобой!»

Через речку пробегая:
– Здравствуй, Кичменга-река!
Облаков не замечаю,
Не пришли они пока.

Вот и небо заалело
Красной грудкой снегиря.
Что-то сердце заболело,
Ох ты, Зорюшка-заря!

Я войду в автобус, сяду,
Деду место уступлю.
Скажет он: «Садись-ко рядом,
В тесноте, да потерплю».

– А твое с тобой терпенье? –
Задаю себе вопрос.
Только в нем души спасенье,
Пусть живет в душе Христос!

Татьяна ВЕТРОВА

Встану до зари по-деревенски,
Тихо, чтоб детей не разбудить,
Да займусь привычным делом женским:
В хлев пойду коровушку доить.

И ударят звонко о подойник
Две тугие белые струи.
И Чернуха с ласкою спокойной
Ткнется в руку языком своим.

И начнется день вот так привычно:
Со скотины, печки да плиты,
С этой для села такой обычной
И необходимой суеты.

С топотанья ног босых сынишки,
Что, проснувшись, «Мама!» – мне кричит,
Тянет ручки к плюшевому мишке
И на мир восторженно глядит...

Ты подставь свои ладошки!
Я хочу тебе вручить,
Мой любимый, мой хороший,
Капельку своей души.

Ты тихонько, осторожно
Забери ее себе,
Потому что невозможно
Без тебя мне жить теперь.

Как же мы с тобой похожи!
Как же я тебя люблю!
Мой любимый, мой хороший,
Бога за тебя молю.

Сколько нежности и ласки
Я могла бы дать тебе,
Но, прикрывшись лживой маской,
Лишь мелькну в твоей судьбе.

Не могу я по-иному.
Удивляться не спешу,
Просто спрячь в свои ладони
Капельку моей души...

Сопротивлялась, не желала
Тебя пускать в свои мечты.
Но почему-то так совпало:
Апрель. Весна. Любовь. И Ты...

Сергей ДОРОЖКОВСКИЙ

Так пожелай мне добрую дорогу,
Чтоб в ней звучала музыка полей,
С которой все плохое понемногу
Смягчается, становится светлей.

Чтоб в долгий час дорожного ненастья
Ко мне явился образ чистый твой,
И в трудный миг чтобы не смог упасть я,
И вновь пришел, уставший, но живой.

Пришел к тебе, такой неповторимой,
В тебе мои мечты воплощены...
Ты предо мной – так явственно и зримо,
С той первой встречи, с радостной весны...

Сейчас у вас березы кружевами
Принарядились тихо к рождеству,
И белый дым недвижимыми столбами
Уходит в небо чуть не на версту.

В моей родной деревне топят печи,
На улице безлюдно... Тишина...
Лишь гулко от мороза в этот вечер
Выстреливает крепкая стена.

Россия! Заметенная снегами
Ты ближе мне, дороже и родней.
Как вкусно нынче пахнет пирогами
По избам милой родины моей!

...Неясные бегут воспоминанья,
Рождественский мне чудится мороз...
И счастлив я. Я счастлив от сознания,
Что вырос среди сосен и берез!

Гроза прошла. Вдруг стало тихо-тихо.
Лишь капля звонко падает с листа,
Лишь соловей, выщелкивая лихо,
Поет опять со свежего куста.

Смородины надломленная ветка
Свежо белеет около крыльца.
Стоит июль, уже макушка лета.
Согреты солнцем души и сердца.

Ах, боже мой, как этот мир прекрасен!
Как славно здесь, вдали от суеты!
Как вечер тих! Как луч закатный ясен!
Как детством пахнут алые цветы!

Раскрою настежь окна. Занавески
Колеблются слегка от ветерка...
Благословить сей образ деревенский
Почти невольно тянется рука.

Татьяна КОЛОСОВА

Помашу платочком белым
Уходящей прочь любви.
Стану сильною и смелой,
Не звони и не зови.

Ну, а дальше что, подруга?
Да, подумаю потом,
Как из замкнутого круга
Вырваться напролом.

Погода чудная стоит:
Зима с весной встречается.
Кто на дуэли победит,
Тот править и останется.
Зима ленилась много дней,
Прогнать не смея осень,
С весною справиться трудней,
Прощенья не попросит.
Займет без боя зыбкий трон
Надежно и надолго.
Всегда бывает покорен
Не исполнявший долга.

Выпрашивать любовь как подаяние
Не стану ни за что на свете,
Поэтому скажу Вам: «До свидания»,
Не думая при этом об ответе.
Вот только ничего не вопрошайте,
Оставьте все, пожалуйста, как есть.
А я, скорей всего, скажу: «Прощайте»,
И берегите дальше свою честь.

Татьяна МАКАРОВА

Ещё так холодны рассветы
И так туманны вечера,
Весны несмелые букеты,
А птички дружные сонеты
Неугомонно льют с утра.

И я опять про всё забыла,
Но вспоминается порой
Всё, что мне было так уныло,
На небе тучею проплыло,
А возвратилось вот – весной.

Так, может, ты хоть на мгновенье,
Моя прошедшая любовь,
Как ветра лёгким дуновеньем,
Как листьев трепетным круженьем,
Как новый день закружишь вновь.

Дорогой мой край-сторонка,
Дорогой мой отчий край,
В доме хлеб да щи, солонка,
Солнце в окна – просто рай.

Окна настезь, ветер теплый
В занавесках заиграл,
А закат, что цвета свеклы,
День ещё один украл.

Зеленеющее поле,
Догнивающий сарай,
Одуванчиков здесь море,
Знай, в веночки заплетай!

Смята трактором дорога,
Убегает, вдаль маня...
В сердце вечная тревога,
Хоть сейчас покинь меня!

Замела метель
Утренний рассвет,
Белую постель
Постлала чуть свет.

И немного жаль
То, что снег везде,
Лишь мою печаль
Не укрыть тебе.

Все теперь прошло,
И его следы
Вьюгой замело
До ночной звезды.

Галина НЕКИПЕЛОВА

Ты в моей судьбе лишь гость случайный,
Что забрел на тихий огонек.
Что ж, давай тебя согрею чаем.
Вижу, ты принес конфет кулек.

Посидим, поговорим, кто знает,
Может, легче станет на душе.
Видишь, как метель-то заметает –
Ни тропинки, ни следов уже.

Что же, отогрелся, вот и славно.
Ну, иди же с Богом, в добрый путь!
Ты в моей судьбе лишь гость случайный.
Что ж, прости, прощай, не обессудь...

Стихи рождаются на свет,
Когда об этом их не просят.
Порой спасают нас от бед,
Порою что-то нам пророчат.

Любовь пронзает сердце нам,
Хотя порой и неуместна.
Бывает тесно вдруг словам,
И чувства не находят места.

Руслан ПАЛТУСОВ

Провинцией с экрана нас зовут,
Периферией нас с трибуны кличут,
Но только здесь остались русский дух
И мудростью украшенные лица.

Не в утешенье, а в подмогу нам
Спускаются здесь ангелы на крыльях,
И над рекой воздвигнут Божий храм –
Всем страждущим пристанище в молитве.

Не оскудеет в веках бытия
Деревня русская добром и состраданием,
Пока есть уважение к делам
Минувших дней, воспитанное в память.

Пока березы шепчут у реки
И рожь в полях бескрайних колосится,
Пока еще не вышли мужики,
И детский смех пока в домах искрится.

Все это Русь: в бездонной синеве,
В родных корнях, в беспечности рассвета,
И в русской бане, и в любви к тебе,
Родимый край, с рождения до смерти.

Все забывается, проходит все как сон,
Лишь ночью звездной на душе смятение.
Приходят образы: и мой далекий дом,
И первая любовь, с ней – первое волнение.

А звезды в небе вечностью полны,
Спокойно, безучастно наблюдают,
Как загораются костры,
Или безвременно и тихо догорают.

Но всякий раз, когда мне тяжело,
И кажется, что нет тоске предела,
Я ночью звездной выйду на крыльцо,
Чтобы у звезд набраться вновь терпения.

Не скучай, повесив нос,
Не моли судьбу,
Ручеек неожиданных слез
Подари дождю,
Посмотри на небеса,
Глянь, какая синь!
Ничего, что все с утра
Иней побелил.
Воздух чистый, как роса,
Освежает грудь,
И шуршит едва листва,
Только тронь чуть-чуть.
Только тронь – и загудит
Проводов струна,
И по небу полетит
Музыка твоя.
Не скучай, повесив нос,
Не моли судьбу,
Ручеек неожиданных слез
Подари дождю.

Михаил РЫБИН

Живем мы как зеки
В своих поселеньях
С клеймом несвободы
На поколениях.
Шаг вправо, шаг влево, –
Ударят молвою,
Размажут, раздавят
С улыбкою злою.
Припишут статейку,
А дальше – по тексту...

Любовь наша тайная –
Попытка к бегству.

Тоскую по «застойным» временам,
Когда в полях смотрю по сторонам
И вижу только тленья пыль,
Одну крапиву и ковыль,
Да крыш упавших черноту,
Глазниц оконных пустоту –
Всё губительно! И исподволь
Тоска моя перерастает в боль.
Кладбищенская тишина.
Хотя у нас и не война,
А мальчики кровавые – в глазах!
И боль моя перерастает в страх.
Как лист осиновый трясусь,
Не за себя – за Русь боюсь!

Я был в лесу, а рядом споро
Шел воровской лесоповал.
И долго рев и визг моторов
Потом в ушах моих стоял.

Со стоном падали лесины,
И дым, и смрад, как на войне...
Страшней не видел я картины
В моих лесах, в моей стране.

Деревьев жалкие останки,
Следы от гусениц страшны.
И кажется, что это танки
Прошли из вражеской страны.

Всё глубже в душах пустота...
И чувствую всей кожей я,
Что мир спасет не красота,
А лишь десница Божия.

Татьяна СМЕРНОВА

Назовите мою внучку Таней
И зовите Танюшкой ее.
Нет на свете ничего желанней:
Знать, что продолжение твое
Носит имя русское, святое,
И поэзии оно родное.
Так что только Танюшкой,
Танюшкой,
Будет ласковой она девчушкой.

Ромашкой, сникнувшей на склоне дня.
Тоскует, ёжится любовь моя.
Уж лето кончилось, нет теплых дней,
А ей не можетя, нейметя ей.
Ну, что ж, болезная, себя корить?
Не нам положено судьбу вершить.
Была ты скромницей, как снег, бела,
Не очень пышная, но все ж цвела.
Спасибо солнышку за ясный свет.
Любовь возродится, сомненья нет.

Не забудь меня

Душит сердце девчонки тоской,
До рассвета не даст заснуть
Мысль, где милый ее родной,
Как ей счастье свое вернуть?

А в России идут дожди,
А в России грибной сезон.
Ты, девчонка, мальчишку жди,
Возвратится героем он.

Где-то там, средь Кавказских гор,
Грезит он в тишине ночной:
Милый сердцу уютный двор
И глаза единственной той.

Шепчет он: «Не забудь меня.
Скоро кончится службы срок,
Я вернусь, ты встречай меня,
Я шагну за родной порог.

Будем вместе встречать рассвет,
Слушать вкрадчивый шум дождя,
Ждут нас много счастливых лет,
Только ты не забудь меня».

А в России идут дожди,
А в России грибной сезон.
Не размоют любовь дожди,
Лишь бы только вернулся он.

Литературное объединение «Родник»

п. Подосиновец Кировской обл.

Светлана ГМЫЗИНА

Рыжий ангел

Посвящается внучке

Трудно в жизни бывает,
Но от бед и разлук
В горький час выручает
Мой спасательный круг.

Книги есть и советы,
Помощь дружеских рук.
Только вовсе не это
Мой спасательный круг.

Рыжий маленький ангел
С чистой детской душой
Все ошибки исправил,
Совершённые мной.

Он не дал мне сломаться
И повёл за собой –
Без конца удивляться
Можно силе такой.

Если жизнь уплывает
Из опущенных рук,
Вновь со дна поднимает
Мой спасательный круг.

Исчезают тревоги,
Наступает покой,
Только к пухленькой щёчке
Прикоснёшься щекой.

Он меня не оставил,
Он повсюду со мной –
Рыжий маленький ангел
С чистой детской душой.

Сельские мадонны

Разбросаны по всей России
Десятки тысяч малых сёл:
Заброшенных и некрасивых.
Иль не покинутых ещё.

Их жизни сонное течение
В сравнение с ритмом городов
Как будто лёгкое волнение
На чистом зеркале прудов...

Но есть и здесь свои законы,
Свои меры красоты –
Живут здесь сельские мадонны,
Не зная лишней суеты.

Они частенько неприметны
В заботах будничных своих,
Но как же их теплом согреты,
Все те, кто дорог так для них!

Неутомимо, ежечасно
Растят детей, содержат дом;
И как же лица их прекрасны,
Когда покой и счастье в нём!

И поражает их терпенье,
Готовность многое прощать...
Но за себя, коль кто заденет,
Всегда сумеют постоять.

А праздник как преображает
Всех до одной! Их не узнать:
Улыбка нежная сияет
И гордая вернулась стать.

На них глядят заморожено
Слегка хмельные мужики –
Красивы сельские мадонны,
Успехам модным вопреки!

И дай им Бог ещё терпенья,
Да чтоб на всё хватило сил!
На труд, любовь и вдохновенье
В нелёгкой жизни на Руси.

Не надо жалеть о прошлом –
Его всё равно не изменишь.
Что было плохим, что хорошим,
Гораздо позднее оценишь.

Не надо жалеть о прошлом –
Оно никогда не вернётся,
А снег, что метелью брошен,
Весною водой обернётся.

Не надо жалеть о прошлом –
Оно уже не повторится.
Букет, что завял и брошен,
Вновь к жизни не возродится.

Не надо жалеть о прошлом,
Напрасно теряя время.
Ведь жить в настоящем можно,
Лишь в будущее поверив.

Ольга КУЗНЕЦОВА

Спрячу печаль в кармане,
А на лицо – улыбку.
Канет в шальном дурмане
Право мое на ошибку...
Просто судьбе вручу я
Править последним балом,
Пусть меня вновь врачует –
Пусть мне уступит в малом.
Нет, не пойду с поклоном –
Знаю ее я шутки...
Да и карман мой полон...
Времени нет ни минутки...
И по течению смело
Вновь поплыву по жизни,
Знаю, судьба умело
Вырулит в катаклизме...

Тропки не видно конца,
Не завернет до крыльца –
Полям пройдет и рекой,
Не дотянуться рукой...
Легкий, пушистый с небес
Падает снег на лес...
Тихо, чуть слышно шурша,
Кто-то идет не спеша...
Звезды горят в вышине
Словно мигают и мне –
Ангел спустился с небес
И незаметно исчез...

Тишина рассыпалась на звуки...
Говор птиц и листьев тихий шелест...
Что-то непонятное науке
По траве и по тропинке стелет...
Пробегает быстро-быстро к речке,
Подхватив поспешное журчанье...
Скоро раскалится, как на печке,
Новый день – осколок мироздания...
Лучик солнца сквозь туман пробился,
Заиграла радугою речка,
Новый день,
вы слышите, родился!
Для чего?
для нового словечка!

Благодарю...
За утро раннее,
За трепетный покой,
За вспышку чувств,
Непонятых в той мере.
Чтоб можно было
Управлять собой,
И жить в привычной
Мне манере.
За новый мир,
За радость бытия,
За то, что я сама
Постичь не в силах,
За то, что жизнь
Внесла события,
И заново
Как будто
воскресила...

Татьяна КУРДИУМОВА

Могу дышать свободно. Вход открыт.
Стыдом спасаться, горем и участием.
В тоске и жажде безграничной власти
До новой бури зверь в берлоге спит.

К терпенью сердце нежное готовь.
Внезапностью застрявшей в горле кости,
С лицом, зачеркнутым гримасой злости,
Воспрянет оскорбленная любовь.

И выжжет все, что дорого, дотла,
Свободу празднуя на пепелище,
И, замирая, как огонь без пищи,
Спохватится пропавшего тепла.

Заблудится впотьмах бесслезной ночи,
Где нет ответа, сколько ни зови,
И встать бездомной нищенкой захочет
У храма всеспасающей любви.

Воздух родины – хлеб для души.
Ты им вдоволь хоть раз надышишь
Там, где ветром прибило сосну
На века сторожить тишину.

Безмятежно-победная даль.
Взглядом слету окинешь едва ль
Землю древних анфаловых битв,
Край крестьянских трудов и молитв.

Церковь Спаса – осколки Руси.
У нее отпущенья проси
Липкой копоти адских кругов,
Разрушенья сердечных оков.

Вниз сойдешь – позади маета,
Хоть, как прежде, живешь ты не так.
Точно двоечник, на авось.
А решенье с ответом сошлось.

Не присвою ничего
Из доставшегося даром,
Не отдам и своего
Вкупе с рыночным товаром.

Как принцесса Турандот
Из известной сказки Гоцци
Жизнью дань свою берет
Задающий нам вопросы.

И неправедный ответ,
Будь ты нищим иль богатым,
Легион твоих побед
Уничтожит без возврата.

Лариса ЛЕБЕДЕВА

Я вновь пройду по тем местам,
Где в детстве бегала девчонкой,
Где смех залиvistый и звонкий
Звучит, звучит то тут то там.

Шумит могучий палисад,
Свидетель наших игр весёлых,
Мы так любили после школы
Здесь, на скамейке, помечтать.

Играть в «клеко» или в песке,
Купаться с бона, под амбаром.
Друг другу хвастаться загаром
На шелушащейся руке.

Не возвратятся те года,
Ни смех, ни взгляд, ни шёпот каждый.
Мы лишь придём туда однажды,
Чтобы остаться навсегда.

На свете всё предрешено
И предугадано не нами.
Кружит судьбы веретено,
Заносит голову снегами.

За радостью – печали, но
Ещё ведёт меня дорога...
Крутись, крутись, веретено,
Не обрывайся нить до срока.

Подснежники

Н.Л.

В майонезную банку поставишь букетик,
Мне не скажешь ни слова опять, как всегда.
Вновь наполнится кухня сиреневым светом,
Это значит – весна и прошли холода.

Это значит, что мы всё с тобой одолели.
Наши чёрные дни далеко-далеко...
Снова солнце на крышах играет с каплейю,
Отражаясь в глазах, и на сердце легко.

Я кудряшки подснежников трону рукою,
Ни о чём не спрошу, улыбнувшись в душе.
Ты пришёл, мне сейчас хорошо и спокойно,
Молча обнял – и всё, слов не надо уже.

Надежда МОХИНА

Бессонницу мою благодарю

Четвёртый час. Бессонница моя,
Тебя благодарю, благословляю.
Я, может, ещё многого не знаю,
Что знать должна бы и осмыслить я.

На это мне бессонница дана.
Перебираю чётки дней минувших.
Тебя, моя бессонница, послушать
Я, стало быть, вот в эту ночь должна

Прислушаться к тому, что есть в душе,
Тебе доверить все свои сомненья.
Ты гонишь прочь все сны и сновиденья.
Рассвет полоской разлился уже.

Я вспомню тех, кого должна простить
И у кого сама просить прощенья.
Бессонница – не бред, не наважденье,
А чувств и мыслей путаная нить.

Благодарю, бессонница, тебя
За озаренье, что приходит свыше,
За столкновенье, и за то, что слышать
Я голос твой могу внутри себя.

Раздёрну шторы и впущу зарю.
Вот-вот будильник разольётся трелью.
Бессонница вспорхнула из постели –
Благословляю и благодарю.

Сумрак

Снег лиловый, снег лиловый
Да размашистые тени.
Недосказанное слово,
Первый лёд моих сомнений.

Зимний сумрак, сумрак синий,
Непричёсанные кроны,
Солнце цвета апельсина
В этих кронах утомлённо

Задремало и скатилось
Тихо-тихо к горизонту.
Я не знаю, что случилось:
Не хочу прийти я в сон твой.

В сон и явь – без объяснений
И не спрашивай, не нужно.
Голубые пали тени.
Снег над нами кружит, кружит.

Прошлое

Я от прошлого шагаю всё дальше,
Я – туда, где нет притворства и фальши.
А оно – по следу,
А оно – по снегу.
На снегу следы видны слишком чётко,
Убегаю и меняю походку,
А оно тут же,
Словно снег, кружит.
Я теряюсь, мне совсем не до смеха,
Я кричу – мне вторит прошлого эхо
О том, что было,
Как я любила.

Зажимаю я ладонями уши,
Чтоб из прошлого мне вести не слушать,
А оно снова
Гирей стопудовой –
Не взлететь – к ногам привязано прочно
И со мною остаётся бессрочно.

Вино заревое

Чуть-чуть пригубила
И вдруг отстранила
Бокал, что наполнен вином заревым,
Но было светло мне,
Хотя и не помню,
О чём в этот миг говорили мне Вы.
Растаяло чудо,
И чуда не будет.
Я трезвостью разума эту черту
Сама подводила,
Сама так решила,
Сама задержала в полёте мечту.
Вы не виноваты,
Открывшись когда-то.
Сберечь эту хрупкую тайну смогу,
Как сладко молчалось
И как разливалось
Вино заревое на белом снегу.

Прошлогодняя метель

Вы больше не подходите ко мне,
Чтоб вновь на мой отказ не натолкнуться.
Вы правы в этом, Вас пойму вполне:
Пути у нас, я знаю, не сойдутся.

Два параллельных правильных пути,
Им пересечься где-то во Вселенной,
А по земле лишь рядом нам идти,
Не вместе – только рядом, к сожаленью.

А может, зря ответила я «нет»,
И дело, может, здесь не в параллелях.
Какой-то робкий зажигаю свет
И чей-то вижу след среди метелей.

Вы правы, что могли держать в узде
Поток внезапно хлынувшего чувства.
Но как жестоки «никогда», «нигде»,
Как просто слово «нет» и безыскусно.

И что ж зимою бредить о весне? –
Внезапные капли не прольются.
Вы больше не подходите ко мне,
Чтоб вновь на мой отказ не натолкнуться.

Но, боже мой, когда б вернуть назад
Ночь прошлогодней взбалмошной метели,
Я, как и прежде, не сказала б «да»
И как сейчас, потом опять жалела.

Любовь ПЕТУХОВА

Крест времени! – Мы все его несем:
Одни – согнувшись до земли, другие
Несут открыто, честно и притом
Всегда имеют помыслы благие!
Зачем на обстоятельства кивать?
У каждого свой крест! – Причем по силам.
И падая, ты должен снова встать –
У нас одна судьба с тобой, Россия.
Сгибаются под тяжестью лишь те,
Кто духом слаб, а те, кто им богаты,
Несут достойно: в горе, в нищете!
Крест времени! Мы все на нем распяты!

Ах, как не хочется попасть!
В бездонную печали власть,
Когда терзает сердце ночь
И ты не в силах мне помочь,
Когда надежды светлый луч
Исчезнет вдруг в обрывках туч.
Моя святая простота
Поймет, Любовь и Красота
Спасут безумный мир людей.
Дай, Бог, мне научить детей
Быть милосердными, прощать,
Любовью согревая души;
И станет мир добрей и лучше.
Во имя Завтра и Вчера
Нам всем покаяться пора.

Любовь настоящая, что это значит?
Когда я с тобою от радости плачу
В объятиях жарких тону с головою,
Когда без тебя ничего я не стою!
Часы и минуты в разлуке – столетья!
Когда бы могла за тебя умереть я...

Молю милосердия грешной душе,
Терпения, силы, смирения.
Мне кажется, что поняла я уже,
Вся жизнь – это просто Мгновение!
А что я в Мгновение это могу?
Я вечно спешу, ошибаюсь,
Мне, кажется, я по спирали бегу,
Карабкаюсь вверх и срываюсь.
А может быть, это мой замкнутый круг,
В котором бетонные стены?
Где хамство и подлость, и зависть подруг,
И где в дураках ходит гений?
Но мне повезло, так как рядом со мной
Любимый! Надежда и Вера,
А все, что когда-то прошло стороной,
Не жаль – не напрасна потеря.

Владимир ТЕРЕНТЬЕВ

Весна

Вся зимняя апатия
Растаяла, рассеялась,
Пришла весна опять, и я
Стал менее рассеянным.

И стало на душе ясней.
И стали мысли здравее.
Пришла весна, и вместе с ней
Природу славить вправе я.

Пора, давно уже пора
Презреть засилье снежное
И снова кончиком пера
Писать про чувства нежные.

Весна! Опять пришла весна!
И по такому случаю
Купить бы лучшего вина,
Но денег нет на лучшее.

Бог с ним, с вином. Мне по душе
Весны вступление рьяное.
Она всеильна, и уже
И без вина как пьяный я.

Соловей

Река была спокойна, и в воде
Отчетливо проглядывались мели.
Вдоль берегов высоких кое-где
Кусты в безветрии под солнцем млели.

Я тоже млею, но нет, не от жары,
А оттого, скажу не по секрету,
Что для меня нет сладостней поры,
Чем обогревшее природу лето.

И беззаботно, с легким сердцем я
Внимал безмолвью, но и был не против
Порадоваться пенью соловья,
А он поет не хуже Паваротти.

Но соловей молчал. Устал, видать.
Ночь напролет трудился бедолага.
И, солидарный с ним, я мог сказать,
Что тишина порою тоже благо.

И молча, удаляясь от села,
Я шел тропинкой, где давненько не был.
Жгло солнце, и таинственной была
Бездонность малооблачного неба.

Земля моя! Хожу, куда хочу.
Мне этот край всегда был очень дорог.
Я с птицами на юг не улечу
И не уеду в шумный, людный город.

Тихая охота

Распогодилось всё-таки, значит,
Я опять ранним утром в проводку
Мог бы удочкой славно рыбачить,
Но в негодность пришла моя лодка.

А ведь «пуще неволи охота»
Да и лодку выбрасывать жалко.
Но займусь-ка я «тихой охотой»
И забуду пока про рыбалку.

Вон он, лес, непроглядный и тихий.
Он огромен, но страх мне неведом.
Правда, там можно встретить лосиху
И, не дай Бог, столкнуться с медведем.

Там грибы в ранних утренних росах
Ждут меня у тропы муравьиной.
Подберезовик ждёт под березой.
Подосиновик ждет под осинкой.

Не проблема! Дождутся, конечно.
Мне ж другое милей. То ли дело
В дебрях леса почти бесконечных
Методично выискивать белых.

И, от хвойного воздуха пьяный,
Буду шастать я в крае лосином
По чащобам лесным и полянам,
Наполняя грибами корзину.

Я себя без природы не мыслю.
Там я буду, свободен, как птица.
И одни только светлые мысли
В голове моей будут роиться.

Лето

Лету скажу слово лестное.
Жаркий июль – это здорово.
Флора и фауна местные
Солнца тепло делят поровну.

Вновь облака ватно-белые
В небе, как айсберги, плавают.
Ласточки, как угорелые,
Носятся дружной оравой,

Мечутся бойко чуть видимы,
Над вековыми берёзами.
Завтрашний день будет, видимо,
Нас омрачать только грозами.

Как хорошо нынче смотрится
Зрелых лугов разноцветье.
Завтра возьмусь, как и водится,
Я за дела чисто летние.

С птицами самыми первыми
Встану я, зная заранее:
Многоголосыми перлами
Встретят они утро раннее.

Литературное объединение «Северок»

г. Великий Устюг Вологодской обл.

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Я учусь у воды,
У родной моей Кичуги-речки,
Грязь, измену и подлость впитаю,
С берегов унести.
Я учусь у воды,
Замутившись и вспенясь под вечер,
Утром снова хрустальность и доброту
Обрести.
Я учусь у воды
Падать дождиком в солнечном мае,
Когда сев завершив,
Ждет с надеждой меня хлебороб.
Я учусь у воды
Никогда небеса не печалить,
Пока мечут устало
Крестьяне последний зарод.
Я учусь у воды
Понимать родничков тихий лепет:
О корабликах детства
Поведают мне ручейки...
И смущаясь, услышу
Слиянья таинственный трепет
Удалого потока и вечной невесты-реки.
 Попрошу океан –
Быть надежной земле колыбелью,
Все моря попрошу
Никогда корабли не топить.
И на ласковом небе
Цветной напишу акварелью:
Надо жить, чтоб любить,
И любить для того,
Чтобы жить!

Медвежонок

Купил белого с черными пуговками глаз курносого медвежонка. Сейчас уж и не помню, кто первый нажал невидимую кнопочку под шерсткой игрушки. И зазвучали проникновенные слова, произнесенные чистым детским голоском: «Ты слышишь, как бьется мое сердечко? Тук-тук-тук-тук. Это значит, я тебя люблю! Я тебя люблю!»

Боже мой! Кто бы не хотел услышать эти слова в свой адрес? Кого они могут оставить равнодушными? Боюсь, что эти люди очень усталые, обиженные на судьбу или меряющие собственное счастье деньгами и приближенностью к власти.

Но почему и те, в чьих сердцах изначально заложена нежная энергия любви и восхищения жизнью, так неохотно дарят их окружающим? Почему мы так горазды на агрессию и так трудно говорим хорошие слова? Не из-за нас ли так много серости, опустошенности и наши сиротливые души отчаянно мечутся в поисках понимания и участия среди запахнутых наглухо, суровых и немых душ. И вместо радости общения боль, боль, боль. Разве мы, рожденные в любви, заслужили её?

Медвежонку хорошо. Кудесник заложил в его маленькое игрушечное тельце восхитительные слова. И нужно только нажать кнопочку, и он будет их повторять, пока пытливый ум счастливого сорванца не заставит его посмотреть, кто там внутри говорит и как выглядит любовь. Ах, как разочаруется, заплачет малыш, увидев внутри только железки и коробочку. Я попробую его успокоить: «Не надо плакать, малыш! Хотя в той жизни, к которой стремишься ты, взрослые дяди и тети тоже плачут, когда вместо любви натыкаются на дешевую подделку. Я очень желаю тебе другого: пусть удастся обрести в жизни радость и умение ею делиться. Пусть ты среди глупости и грязи отыщешь и почувствуешь горячий импульс

любви, улыбнешься и шагнешь ей навстречу с восхищенным и добрым сердцем. Не страшись ошибки. Смотри: вот за этим поворотом или на этой весенней улице идет навстречу человек, который, поддаваясь внутреннему зову, проникновенно скажет те нужные и важнейшие слова: «Ты слышишь, как бьется мое сердечко? Тук-тук-тук-тук! Это значит, я тебя люблю! Я тебя люблю!»

И вздрогнет весеннее небо. Сбросит с себя серую завесу надоевших облаков, распахнется, и на его лазурной бесконечности ваши ангелы, вооружившись золотым солнечным лучиком, напишут эти слова от горизонта до горизонта. Для тебя! Для всех нас! Во имя любви и жизни.

Вера БАГРЕЦОВА

Поэтам

А может быть, моя душа
Уже давно по миру ходит,
Свое пристанище ища
На неприветливом пороге.
Душа с сумой, душа с тюрьмой –
Мои оковы вековые.
«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...»
Куда душе моей идти?
Исхожены пути-дороги...
Ее коробит от беды,
От слова бранного коробит!
Она от боли голосит
И вдребезги от хамства бьется...
И как ей, сотни раз простив,
Казаться сильной удастся!
Нет, не смиряется душа,
Устав от зла и неуюта...
И ждет, блаженно трепеща,
Благословенного приюта!
Поэтов чуткая душа
В мир призвана страдать навечно,
И постоянно умирать
И возрождаться бесконечно!

Рождество

Глядит торжественно и мудро
Из окон Светом Божества
Небесно-розовое утро
Христова Чудо-Рождества!

Чуть бьется огонек в лампадке –
На скатерти – пирог мясной,
Уха из золотой стерлядки
И студень розовый свиной.
Горит Рождественская елка
В лучах серебряной фольги...
Январский день морозно-звонкий,
Христа-младенца береги!
И льется тихая молитва,
И веет радостью от строк:
«Христос Всеблагий, Всемогущий,
Творец Земной, Превечный Бог...»

Сентябрь

Ах, сударь, золотой сентябрь,
Свои богатства разбазаришь –
Смотри, ты скоро нищим станешь
И не узнаешь сам себя...
Прости мой радостный искус –
Поддаться мигу – вдохновенью –
Создать великое творенье
Под самый утонченный вкус!
Ты с каждым днем седеешь, брат,
Но золотую шевелюру
Еще успею – нарисую.
А ты как будто и не рад...
Мне суть – душа твоя – близка,
Она в чуть слышной смене жеста
Неуловимо бестелесна
И удивительно кротка...
Пленэр продлит твои года,
Я подарю тебя подруге,
Ведь у нее есть дом – не угол –
Он тих – без ветра и дождя...

Елена ВИНОГРАДОВА

Пасмурный день с сорокой

Покружила, села на карниз
Как с таможни – вести её с воли.
Этот женский трепетный каприз
Ей-то можно весело позволить.

*Че-че-че! В лесу переполох!
Честно, в свой черёд весна настала!
Че-че-че! Без сна чертополох
Чествует её в логу подталом!*

*Ночью всё дышало и росло,
Сочно чавкал ржавчиной валежник,
Речке месяц чудился веслом,
Всем воочью разомлел подснежник!*

...За окном толпятся тополя, -
Почки пахнут детским сном и негой.
Снегом опоенная земля
Бредит под проталиной с побегом.

Я люблю вас, пасмурные дни.
Неба взгляд закутан в поволоку.
Эй, сорока, мы с тобой сродни, -
Дай, напьюсь весны из водостока!

Андрей КЛИМОВ

Кельица

У реки мне поставить бы кельицу,
Как и Яшин свою, на века.
И с угора смотреть, как шевелится
Под угором родная река.
И смотреть, как в ней облако моется,
Облетевшее села окрест...
Помолиться...
Немногие молятся,
Хоть и носят нательный свой крест.
У реки мне поставить бы кельицу!
Да угор мой вдали от реки...

Дикий берег

Дикий берег. Куда взгляд ни кину -
Корни, корни чернеют вокруг.
Словно здесь для меня паутину
Плел всю ночь деревянный паук.

И мне дальше уже не проехать,
И мне дальше уже не пройти...
В паутине запуталось эхо
Отзвеневшего в прошлом пути.

Чаеныш

Нет, дыханьем туман не прогонишь –
Он надолго над речкой повис.
И, не видя опасность, чаеныш
Мимо лодки сплавляется вниз.

Ожидая беды, берег замер.
Чайка криком разрежала тишь...
...Провожая комочек глазами:
Не пугай свою маму, малыш.

Ольга КУЛЬНЕВСКАЯ

Снегопад

Вдруг облако на город налетело
И фонарей затушевало свет.
Оно кружилось, пело, шелестело,
И темный город становился белым,
И в этой мгле любой терялся след.
И я плыву в мерцании неверном,
А шорох снега – словно шорох крыл...
И каждый из идущих мнит: он первый –
Здесь до него никто не проходил...

Посвящение первому кузнечнику

После гроз июльский вечер
Дарит тихую улыбку.
Робко пробует кузнечик
Застоявшуюся скрипку.
Навострил смычок один ты,
Музыкантик-торопыга!
Разве мы до середины
Пролистали лета книгу?
Не спеши, дружок, очень,
Ведь еще совсем не поздно:
Свет ночей еще молочен,
Не созрели в выси звезды.
А когда они, как вишни,
Будут падать в лунном свете, -
Пой, чтобы весь мир услышал
Торжествующий гимн лету!

Звезды

Висят созвездья, высоки и тихи –
Блюстителю ночного бытия...
Как знак вопроса, изогнулось лихо
Одно из многих, что не знаю я.
Тот звездный знак растет из нашей крыши...
Сквозь дым заиндевелых тополей
Я звон его лучей замерзших слышу,
Разбившихся о твердь земных путей.
А выше, как ответ, – Кассиопея –
Вне времени, вне близости, вне тем.
Я от ее величия немею...
«Мираж. Мечта. Мольба» –
С заглавной «Эм».

Размышления за чаем

Не долговек у хрупких чашек: бьются,
От пар красивых остаются блюдца.
Вот – с яркой вязью цвета спелой сливы...
Какой была я молодой, счастливой!
Те, где на донце прилегла ромашка,
Со мною вместе стали много старше.
А вот из этих, с золотым горохом,
Был чай не сладким – со слезой и вздохом.
Куплю-ка новый я сервиз с полочки,
На вид поставлю: так, на всякий случай.

Алена ЛАНЬКОВА

Нет притяжения

Меня тянет к земле, прижимает и давит,
Очень трудно дается мне к небу движенье.
Но я выдержу все – Бог меня не оставит!
Я хочу доказать то, что нет притяженья.
Меня рвет на куски от чужих наставлений –
Наставлений, как жить, как терпеть пораженья.
Я давно разучилась пугаться гонений
И хочу доказать то, что нет притяженья!
Скоро стану я жителем вольного племени!
Хватит мне этой Богом заброшенной лирики!
Разучусь я любить. И оставлю со временем
Притяженья закон – для учебника физики.

Смотри, как падают ангелы

Ты, наверно, в любимцах у Бога ходил,
Но, чтоб было другим неповадно,
Тебя сбросили вниз с поднебесных перил
И смотрели, как падает ангел.
Твоя гордость – твой грех, насмешишь ты народ,
Гулко рухнув на твердые камни.
Ты хотел выше Бога подняться, и вот
Люди смотрят, как падает ангел.
Тебе просто хотелось не тлеть, а гореть
Самой яркой звездой? Так? Не правда ли?
Не сдавайся, держись! Люди любят смотреть...
Смотреть, как падают ангелы...

Анатолий МАРТЮКОВ

Ксении Новиковой

Смотрю в окно –
Но где же Ксюша-Ксения?
Смотрю в окно –
Торопится народ.
Я жду, когда
Однажды в воскресенье
Она по нашей улице пройдет.
Одни спешат
В заоблачные дали
Искать себе
Красавиц и невест,
Но знают ли они о том
Едва ли,
Что ты, что ты
Сошла уже с небес.
Мне хорошо –
Живу под облаками,
Которым тесен
Наш земной уют.
Они своими белыми руками
Для ласточек небесных
Гнезда вьют.
О, ласточки!
Про ваше вознесение
Я говорю красивые слова...
Смотрю в окно –
Но где же Ксюша-Ксения,
Что мир мой тесный
К солнцу вознесла?

Чуриловка

Надежде Слободиной

Приветствую тебя,
Село Чуриловка...
Я помню
Как горели небеса,
Когда вернулась
Вешняя малиновка
В твои
Благословенные места.
И майская листва
Звенела песнями –
И я спешил восторженный
Сюда,
Где восходила
Миру неизвестная
Любви моей
Заветная звезда.
Несет река –
Широкая и плавная
Из тех времен
Мой белый пароход,
Где маленькой была
Надежда Павловна
И молодым – весь нынешний народ.
Ему, народу,
Жизнь – не принудиловка.
Но без его печалей и обид
По-прежнему поет
Одна малиновка...
Я знаю, о твоей судьбе,
Чуриловка,
Душа Надежды Павловны болит.

Валентине Игошевой

– Где дом у нашей
Тети Вали?
– Вон в том, большом,
Она живет... –
Мне чьи-то дети указали
Рукой, протянутой вперед.
Я помню с детства
Эти дали,
Тропинку, что меня ведет.
Здесь раньше
Птицы распевали,
Водили вьюги хоровод.
Высокий дом,
Крыльцо в тумане,
Цветы зеленые в окне...
Вошел, и, словно на экране,
Тогда Вы улыбнулись мне.
«Ах, Валентина,
Валентина...» –
За мной пропела
Ваша дверь.
Не Вы, а тонкая рябина
Все чаще снится мне теперь...

Поле Куликово

...Белесый диск луны холодными крадущимися отсветами коснулся тронутых иглистой изморозью окон теплушки. С надсадным лязгом загремело железо вагонных запоров, и в живое пространство, наполненное бережно хранимым теплом, духом махры и сухарей, ворвался многоголосый рев старшинских глоток:

- Пер-р-рвый взво-од, стройся!
- Второй взвод!
- Третий взвод!

Маршевая рота новобранцев прибыла на фронт...

Иван сноровистыми, заученными движениями застегнул на себе немудрое солдатское снаряжение и, закинув за плечо жесткий ремень карабина, замер в строю таких же бритоголовых, не ведавших еще испытаний кровавой сечи юнцов.

Стоял январь, но с темнеющего берега Волги тянуло стылой изморозью, напитанной дымом тлеющих пожарищ да известковым прахом руин больших белых городов...

С жутким обвальным гулом совсем рядом рванула серия бомб запоздалого авианалета.

- Воздух, воздух!!!
- Кончай вытирать сопли, ложись, мелочь пузатая!

Бывалые в пороховом «полымени» усатые старшины с яростным матом разгоняли по спасительным кюветам и укрытиям новобраную рать.

Снова справа и слева дикая сила взрывов поднимала ввысь мерзлую землю.

– Санитары! Санитары, сюда! – Иван увидел, как солдат с перебитыми ногами пытается ползти среди праха горячей от взрывов земли, как багровеющими гроздьями уходящей жизни стынет и пузырится на снегу зловещий след крови... Отрывающиеся от туловища ноги мешали солдату, и он с хриплым воплем рванул голень, висящую на остатках жил...

Вторая нога отпала сама, пока он полз. Кто-то поднес к его губам горлышко фляги с водой. Холодеющие капли омыли окровавленный рот, и солдат, приподнявшись на локтях, судорожно срывающимся голосом попросил:

– Пристрелите!..

Потом он ударился головой о каменную глыбу и затих. Имени его ни Иван, ни спутники его так и не успели узнать...

Шел январь 1944 года.

После бомбежки раненых отправили в санбат, а потрясенные пережитым новобранцы вновь были построены в четырехшереножный строй. Сумерки стужались.

– Фронт это, говорите?! Это, ребята, не фронт еще, а курорт...

– А где же тогда фронт?

– Пройдем ночку-другую пешком порядком, подойдем к передовой – вот там и разглядишь в аккурат этот самый фронт!

Усатый, в манерно заломленной линиялой ушанке старшина с вьедливым прищуром осматривал строй новоиспеченного войска.

– Так-так... Ремешок – подтянуть! Почему отвис подсумок!

Шаг за шагом распаленный строевым пылом кадровик приближался к стоящему рядом с Иваном долговязому студенту в запотевших «кругляшках» очков и нахлобученной ушанке.

– Так-так... Студент, стало быть! Ох и хватанем мы горяшка с такими необстрелками! Почему штык не точен? А?

– Позвольте... Я полагал, что мы не во времена Мамаева нашествия воюем, холодное оружие вряд ли может сыграть такую же роль, как на поле Куликовом!

– Эх, студент, студент!

Голос старшины осекся и осел вдруг до дрогнувшего и неожиданно потеплевшего тихого говора:

– Верно ты говоришь, сынок, не на поле мы Куликовом, но воевать-то нам надо на русском поле, а оно для нас всегда – Куликово! Так понятно, зачем тебе завтра штык точеный пригодится, а?

– Так точно, товарищ старшина, понятно! – потупившись, тихо ответил студент.

В маршевом порядке, с дозором и боевым охранением батальон выдвигался к переднему краю. Образы войны со зловещим беспощадным обличем теснились перед взором идущих в ее огневое горнило. То справа, то слева от вздыбленного танковыми траками проселка неостывшее еще железо войны зияло брешами своих зловещих пробоин. То тут, то там в заледеневшем насте перелесков виднелся коченеющий прах вражьей плоти... Фигуры раненых, на скорую руку замотанных белеющими бинтами, понуро раскачивались в кузове полуторки, что с надрывным дребезжанием и воем лезла куда-то к санбату по размешанным сотнями солдатских ног колеям.

– Хреновато, видать, ребятам приходилось, а?

– Да уж, хреновато... – Первый номер пулеметного расчета с надсадным кашлем глубоко затянулся тихонько горячей самокруткой.

– Иван, а Иван?

– Ну, че тебе?

– А верно ведь говорят: было время у нас – будет и час! Вот, стало быть, он и пробил для нас с тобой.

– Ну и ладно, только шибко бы хотелось, чтоб он не стал для нас последним.

– Да...

– Давай держаться друг дружки, как бы хреново не было, а?

– Ладно-ладно, давай!

Иван Хорхорин в ту минуту не знал, не чувствовал, не ведал еще о том, что снайперская пуля в одном из февральских боев прошибет голову его фронтового друга прямо через стальной шлем... Но это будет потом, а пока, сменив на переднем крае измотанную донельзя стрелковую часть, батальон вступил в смертельный бой...

В феврале тяжело ранили студента в круглых очках. Немецкий танк, прорвавшийся на позицию бронбойщиков,

расстрелял их из пулемета. Потом, подоженный артиллеристами, сам догорел в перелеске.

После в составе штурмовых рот Иван участвовал в наступлении в районе Витебска. В полосе наступления оказалась речка с берегами, поросшими густым кустарником. Этот бой был для него одним из самых жестоких за всю его военную судьбу.

...Земля горела и дымилась от жестокой бомбежки, засыпанных в траншеи контуженных солдатиков откапывать было некогда. Кровавое месиво разорванных прямым попаданием артиллеристов багровело по краям осыпающейся воронки.

– Ива-а-ан! Держишься?

– Держусь!

– Диск давай!

Раскаленный ствол пулемета вдруг осекся и ткнулся в почерневший от огня снег. Пуля снайпера сделала свое дело...

Иван видел, как от его выстрелов из карабина падают немцы. Он повернулся набок, доставая из подсумка патроны, и вторая пуля немецкого снайпера попала ему в плечо. Неистовая боль сковала левый бок. В обрыве, куда сполз истекающий кровью боец Хорхорин, собралось человек двадцать таких же раненых солдатиков. Как умели, помогли друг другу и под минометным огнем стали уходить к своим. Немцы засекли их и открыли губительный огонь. Нашему Ивану повезло: дважды раненый, теряя сознание и вновь приходя в себя, он смог доползти до своих позиций. Когда, наконец, санитары подхватили его, он снова оглянулся на поле, через которое полз под огнем. Там без числа лежали замерзшие, истекающие кровью наши раненые и покалеченные солдаты.

Кровавый пир битвы свершился, и русское поле вновь омылось святой русской кровью во имя Великой Победы...

«Вот, стало быть, я и побывал на поле Куликовом!» – вновь теряя сознание, успел подумать Иван уже на руках полевого хирурга...

Галина ПЛЕТНЕВА

Всему есть веская причина:
Уходу солнца и началу дня,
Рыданью скрипки, запаху бензина
И даже появлению меня.
И вот живу, не находя то слово,
В котором смысл и ценность бытия,
Оно во сне ко мне приходит снова,
А наяву не вспомню слова я.
И знаю я, что Время быстротечно,
И в миг любой закроются врата.
Все вечное притягивает Вечность,
И в пустоту уходит пустота.

Гледен

В тучах лиловых солнышко тает,
Лебедем Гледен в ночь выплывает.
Ветер на склонах травы колышет,
Сердце печальную музыку слышит.
Чу, за стеною стон раздается –
Прошное тенью к речке крадется...
Не до черемух мне белоснежных:
С болью молюсь за невинных и грешных.
Время над Гледеном в вечность стекает...
Знаю: за тьмой уже утро играет.

Не Русинова я – Плетнева!
Когда-то новая родня
По-деревенски, добрым словом
Радушно приняла меня.
Я о такой семье мечтала,
Где каждый дорог был и мил.
Свекровь я мамой называла,
Отца мне свекор заменил.
Там за вечерним самоваром
Решали, что косить пора,
А сладкий запах сеновала
Манил забыться до утра.
Когда туманилось окошко
И дождь срывал весь сенокос,
Играл нам папа на гармошке
Да так, что по спине – мороз!
А если гости наезжали –
От пирогов ломился стол,
Варили пиво, мед качали...
Всех угостят, кто б ни зашел.
Веселье, смех... Назавтра снова
Хор петухов не даст проспать.
Мать топит печь, доит корову,
Отец идет стожок метать...
Все снится запах мне сосновый
И пруд с прозрачною водой,
Сирень, деревня, дом Плетневых,
Где в окнах – свет, в душе – покой.

Василий СИТНИКОВ

Когда поет душа --
Молчат оркестры.
Срывают ветры
С круч лиловый плат.
И только птицы
Стороны окрестной
Ей восхищенно
Подпевают в лад.
И ты рванешься,
Сбросив облаченья,
Чтоб обрести в полете
Стойкость крыл,
И возлюбить
Свое предназначенье,
Как Бог нас
До рожденья возлюбил...
Воспрянуть,
Вырывая из-под спуда
Былых надежд
Безумный балаган... –
Поет душа
Над хаосом и блудом,
Органно выдыхая ураган...

«Металлист»

Унылость старого двора,
Где только ветер пыль разносит,
Да отсвет уронила просинь
На ржу холодного металла.
Здесь все когда-то грохотало,
Но это было не вчера.
Тихи, тихи стоят цеха,
На стенах мшаник ткёт узоры.
Ущербность в оправданье вору...
И кажет зыбкий путь веха
К опустошенью и разору...

Блудный сын

Эх, мороз, подумать любо.
Избы – в зайцах косяки.
Залезайте, девки, в шубы,
В полушубки – мужики.
Скоморошьё – свист да топот,
Загулял так загулял.
Облетай, печная копоть,
На окольные поля.
Месяц, крадучись волчицей,
Скалит пасть из-за былья.
Кто там в полночь в дверь стучится?
Здравствуй, батя, это я.

Татьяна ЯДРИХИНСКАЯ

Песня любви нашей спета,
Но ни к чему горевать.
В отблесках красного лета
Гроздь рябины горят.
Милые, светлые дали,
Алые струны зари
Песню любви нашей знали,
Тайну ее берегли.
Там, за серебряным бором,
В лунном сиянье пруда,
Не потревожена взором,
Скрылась она навсегда.
Песня любви моей спета,
Но ни к чему горевать...
В отблесках красного лета
Гроздь рябины горят...

Звонят и падают снежинки
На зимний серебристый луг.
Лежат сверкающие льдинки,
Как россыпь жемчуга, вокруг.
А за деревней нашей поле
В лучах искрится, как хрусталь.
Там ветра скачущие кони
По хрустальному несутся вдаль...

У тебя глаза туманны,
И улыбка вспыхнет редко:
В твоём сердце – боль и раны,
Знать, стрела сразила метко.
А была твоя улыбка
Лучезарная такая...
Знать, стрела не выбирала –
В тело врезалась, шальная!
Не стучи, метель, в окошко –
Я любить не перестану!
Отдохни, родной, немножко,
Я к постели рядом встану.
...Не блеснет в глазах слезинка,
Лишь стою – как неживая...
И меня, меня коснулась
Той стрелы зима седая.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературное объединение «Откровение»

Ольга Зотикова	4
Александр Лешуков	7
Василий Мишенев	9
Ростислав Панов	13
Сергей Подольский	15
Зоя Пьянникова	16
Виктор Цветков	18
Оксана Шпилько	22

Литературное объединение «Истоки»

Александр Бубнов	24
Светлана Вершинина	26
Татьяна Ветрова	29
Сергей Дорожковский	31
Татьяна Колосова	33
Татьяна Макарова	35
Галина Некипелова	36
Руслан Палтусов	37
Михаил Рыбин	39
Татьяна Смирнова	41

Литературное объединение «Родник»

Светлана Гмызина	44
Ольга Кузнецова	47
Татьяна Курдюмова	49
Лариса Лебедева	51
Надежда Мохина	53
Любовь Петухова	57
Владимир Терентьев	59

Литературное объединение «Северок»

Николай Алешинцев	64
Вера Багрецова	67
Елена Виноградова	69
Андрей Климов	70
Ольга Кульневская	71
Алена Ланькова	73
Анатолий Мартюков	74
Юрий Опалев	77
Галина Плетнева	81
Василий Ситников	83
Татьяна Ядрихинская	85

Отпечатано с готового оригинал-макета
в МРИУ «Редакция газеты «Авангард»,
2007 г.

